

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

ДМИТРИЙ
МАМИН-
СИБИРЯК

Сибирские рассказы

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
М22

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы фрагменты работы
художника *Евгения Тихменева*

Мамин-Сибиряк, Дмитрий Наркисович.

М22 Сибирские рассказы / Дмитрий Мамин-Сибиряк. — Москва : Эксмо, 2024. — 544 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-195240-2

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк (1852–1912) — русский писатель и драматург.

В сборнике «Сибирские рассказы» перед читателем оживают картины могучей природы и быта людей, обитающих на её просторах. Герои историй — охотники и лесники, крестьяне и помещики, золотонискатели и даже животные. Их объединяет суровая и необъятная Сибирь. Чтобы выжить в ней, нужно быть добрым и смелым, помогать ближнему, с уважением относиться к природе.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-195240-2

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

СИБИРСКИЕ РАССКАЗЫ

СИБИРСКИЕ ОРЛЫ

На одном из промежуточных вокзалов только что открытой Тюменской дороги собралось много публики. Ждали проезда известного сибирского магната Мансветова-Гирей. Многие приехали на станцию с специальной целью, чтобы только взглянуть на великое светило. В числе собравшейся публики особенное внимание обращал на себя седой высокий старик в потертой и выцветшей шинели, с гимназическим ранцем за плечами. Старая военная косточка сказывалась во всем — и в costume, и в выправке, и в манере себя держать. Заплатанные ботфорты были вычищены ваксой, как на смотр; кепи упраздненного французского покроя было надето набекрень, что уже совсем не гармонировало с серебряными сединами почтенного старца. Меня поражала в этом субъекте удивительная бодрость и розовый цвет лица. Ему, по крайней мере, было лет семьдесят. Только военная николаевская выправка создавала таких богатырей.

Мне приходилось ждать поезда, и от нечего делать я наблюдал железнодорожную публику. Какая неизмеримая разница с прежним сибирским трактом, когда гужом ехали все такие основательные люди: купцы, сибирские администраторы и просто деловые люди!

Железная дорога привела с собой много такого люда, общественное положение которого нельзя определить никаким химическим анализом. Куда идут эти неведомые люди, зачем они так торопятся и откуда они взялись?.. На каждом лице деловая тревога, глаза так и бегают, а общее выражение такое, как будто человека ожидают вот сейчас и невесть какие важные дела. Таинственные незнакомцы хлынули в Сибирь из неведомых глубин коренной России и везде понесли с собой московскую расторопность, изворотливость и просто шитое на живую нитку плутовство. Их присутствие на этой станции для меня являлось неразъяснимой загадкой. Но они были тут и суетились больше всех. Другое дело — служащие Мансветова, которые явились встретить патрона по обязанности. Они так и держали себя, как гости, приехавшие на именины.

— Monsieur, несколько крейцеров... — проговорил над моим ухом хриплый, неприятный голос. — Извините, но мои седины позволяют быть настолько недекатным, что...

Это был старик с ранцем. Я только теперь заметил его большие темные глаза, глядевшие насквозь с таким странным блеском. Он не протягивал руки, не корчил жалобной рожи, а требовал, как должного. Получив какую-то мелочь, он спокойно проговорил:

— А как вы полагаете, сколько мне лет?

— Лет семьдесят...

— Извините-с, ровно восемьдесят. Да-с... Георгию Самсоновичу восемьдесят, и мне восемьдесят; по годам мы с ним равны. Евангельский богач и убогий Лазарь¹, а годы равны-с... Не правда ли, какое странное совпаде-

¹ По евангельскому рассказу, нищий Лазарь лежал больной и голодный у ворот богача и рад был напиться хотя бы крохами с его стола.

ние-с?.. Даже и не Лазарь, а сам Иов¹ в дни его несчастья... Вы слышали про заболотского полицеймейстера Неупокойникова? Нет? Жаль... Он к вашим услугам.

Эта манера называть Мансветова по имени и отчеству: Георгий Самсонович — выдавала старого проходимца с головой. Выгнанный со службы сибирский чин сказался в двух словах. Дескать, и мы в свое время были с Георгием Самсоновичем запанибрата, когда еще он и т. д. Это обычный прием столичных трактирных жуликов и сибирских чиновников не у дел. Мне лично такой оборот разговора очень не понравился, гораздо хуже того, что человек позаимствует у вас несколько крейцеров. Русский человек уж так устроен, что настоящему бедняку не подаст, а вот такому субъекту посоветится отказать, и мне было обидно за себя, что я не отказал полицеймейстеру Неупокойникову. К довершению всего старик отправился без стеснения прямо к буфету третьего класса и развязно потребовал рюмку водки. Оставалось ждать, как он зайвится опять, дохнет прогорелым вином и фамильярно подсядет. Явилось даже малодушное желание куда-нибудь спрятаться, но это было невозможно: вокзал был невелик, а до поезда оставалось еще полчаса.

— Я тут у знакомого попа гостил, а теперь пробираюсь в Питер... — заговорил возвратившийся старик, действительно подсаживаясь ко мне на дубовый диванчик. — Скитаюсь из страны в страну... взыскующий града... да...

Я очутился в довольно глупом положении, но потом подумал: что же, ведь он меня не съест в эти полчаса. Пусть его поговорит, если хочется...

¹ В одной из книг Ветхого Завета Господь, желая проверить стойкость веры праведника Иова, вверил его судьбу в руки Сатаны, чтобы тот наслал на Иова всяческие несчастья.

— Вы долго служили в Заболотье? — спросил я.

— Да порядочно-таки... И в Восточной Сибири служил, и в Западной, а кончил Заболотьем. Очень любил я хороших лошадей... Сам выезжал. Да... Интересно, узнает меня Георгий Самсонович или не удостоит? Когда он венчался, в коляске у него была заложена моя пара... Только выехали из церкви молодые, я еду впереди, как полицеймейстер, а кучер-ворона и распусти вожжи... ну, лошади понесли коляску, а я выскочил из своего экипажа и остановил. Тройку на полном ходу останавливал... Мы, казаки, около лошадей с детства, так оно привычное дело.

— Вы из каких казаков?

— А из Сибирского казачьего войска. Как же, казак с ног до головы. И землю свою имею, но только земля-то спорная. Еду хлопотать... Да. Так Георгий Самсонович тогда меня на свадьбе из щеки в щеку расцеловал... Мы с ним давно знакомы были, когда я еще тюремным смотрителем на Чернореченском заводе служил. Это рукой подать от Заболотья, и в Чернореченском заводе была каторга. Да... Упразднена в 1863 году.

— Какой же это завод был?

— Винокуренный, казенный-с... Это еще при откупках было. Несколько таких заводов было в Сибири, и казна сдавала их в аренду. Георгий-то Самсонович и арендовал тогда Чернореченский завод. Можно сказать, что там были их первые шаги... Потом уж они развернулись до необъятности. Еще и теперь в Чернореченском заводе на берегу три березки стоят, а под ними Георгий Самсонович любили вечерком посидеть и помечтать-с. Да-с... Под этими березками, может быть, какие мысли-то обдумывались? Я вам скажу прямо: Георгий Самсонович — гений... и я их боготворю. Вчуже сердце радуется, и точно сам молодеешь... Вот какие прежде-то люди были: орлы! Да-с... И взгляд орлиный

имели, прямо сказать. Когда Георгий-то Самсонович арендовал Чернореченский завод, так рабочие были все каторжные. Другие в кандалах у заторных чанов¹ стояли... О чем я хотел сказать, позвольте...

— О Мансветове.

— Да, да... Извините, захлестывает у меня иногда, потому что и стар, и дряхл, и обременен летами... Говорил уж я, кажется? Да, так о Георгии Самсоновиче речь идет. Был такой случай у меня. Я смотрителем каторги был, так раз ночью и докладывают, что в общей камере произошло убийство. Конечно, сейчас следствие, розыски, но ничего обнаружить невозможно. Известно, каторжные... На следующий день вызываю к допросу всю камеру. Следствия у нас производились тут же, в конторе. Ну, выстроили в шеренгу человек двадцать таких подлецов, что картина. «Знать не знаем, ведать не ведаем...» По старым судам это много помогало. Бьемся день, бьемся другой, а толку все нет. На третий день в каторжную контору к нам и заверни Георгий Самсонович... «Не нашли виноватого?» «Никак нет-с!» «Эх, плохо вы следствие производите... Ну-ка, я не буду ли счастливее!» Вышел это к арестантам, обошел шеренгу, посмотрел на всех издали, а потом прямо к одному подходит и прямо его по уху: «Твоих рук дело, подлец!» Могучий был человек, и никто не устал на ногах... Ну, арестант, известно, свалился и сейчас на колени: «Виноват, ваше благородие...» Вот какой взгляд был у человека!

— Да, действительно... взгляд.

— И другой случай был... Это уж в Заболотье. У одного чиновника в доме появились вдруг духи. Все бьют, все ломают, по ночам стук и треск — житья не

¹ Заторный чан — в винокурении чаны с затором из тертого картофеля или растворенной в воде муки.

стало. Хорошо-с... А чиновник-то не маленький, и, как семейный человек, конечно, ему неприятно. Узнал про духов Георгий Самсонович и говорит чиновнику: «Хорошо, я как-нибудь заеду познакомиться с твоими духами»... А сам смеется... Признаться сказать, он тогда еще вольтерьянцем был и, как говорится, ни в бога, ни в черта не верил. Действительно, спустя некоторое время приезжает он к этому чиновнику. Осмотрел расположение комнат, разбитые зеркала, печи, а потом и говорит: «Действительно, духи у вас очень уж расшались». Чиновница тут же стоит и слушает в оба уха, а Георгий Самсонович попросил ее выйти на минуточку и прислать няньку-старуху да горничную. Те приходят, а Георгий Самсонович к ним и прямо: рраз! рраз! Ха-ха... Ну, конечно, сейчас же повинились бабенки. Крепостные были и хотели барыне досадить. Так я и говорю: вот какой взгляд был у прежних людей. А нынче куда... даже, знаете, смешно говорить-с.

— Маленькие нынче люди...

— Нет, вы послушайте, что дальше-то было... Эта самая горничная, которая духов изображала, — из-за нее я вот в настоящем виде и очутился, — после того, как пришла в себя, от всего отперлась, ну, попала ко мне в лапы на предварительное дознание... хорошо-с...

Свисток подходившего поезда прервал рассказ сибирского орла на самом интересном месте.

Поезд подходил, медленно и тяжело сдерживая свое движение. Слышно было, как дрогнула земля. Публика из вокзала вышла на платформу. Нужно было видеть, каким молодцом вытянулся жандарм, как засуетился начальник станции, а публика замерла, впившись глазами в вагон первого класса, где в отдельном купе ехал он. У публики есть инстинкт угадывать присутствие своего любимца: было два вагона первого класса, но все обратили внимание именно на второй. Он должен быть

здесь.. Сибирский полицеймейстер, конечно, был впереди всех и, когда подходил поезд, вытянулся во фронт и даже сделал под козырек.

— Господа, не напирайте..

Большинство толпилось на платформе из любопытства, загораживая дорогу тем, кому нужно было явиться к Мансветову.

— Поезд стоит тридцать минут!.. — надтреснутым тенорком выкрикивал кондуктор, пробегая мимо линии вагонов какой-то особенной дробной походкой, как ходят только половые в московских трактирах да вымуштрованная железнодорожная прислуга.

Мансветов так и не показался из вагона. «Нужные люди» по очереди отправлялись к нему на исповедь и быстро возвращались — магнат никого не задерживал. Сопровождавшая его свита подкрепилась в буфете и весело галдела на разных языках. Кого тут только не было.. У Мансветова было золотое умение распознавать людей, и раз попавший к нему на службу мог считать свою карьеру обеспеченной. Магнат не давал преимуществ ни одной национальности.

— Когда же я-то, господа? — растерянно спрашивал Неупокройников, напрасно стараясь попасть в очередь.

— Послушайте, господин, да вам зачем?

Старику пришлось ждать долго, но он-таки добился своего. Я видел, как он вышел назад, точно ошпаренный, и шел по платформе, машинально повертывая свое кепи в руках. Как мне показалось, у него на глазах были слезы.

— Не узнал... нет, не узнал.. — бормотал он. — Конечно, где же узнать... столько лет..

В вагоне третьего класса публики ехало не особенно много, так что на каждого нашлась свободная лавочка. Я поместился у окна и смотрел на летевшую мимо ленту полей, перелесков, оврагов и насыпей.

Поезд мчался с особенной быстротой: машинист понимал, что везет цезаря и его счастье. На одной из маленьких станций Неупокойников отыскал меня и подсел на соседней лавочке. В течение какого-нибудь часа он точно постарел на несколько лет — сгорбился, съёжился и даже как будто сделался ниже. Водкой от него пахло по-прежнему, но старческой молодцеватости не осталось и следа.

— Не узнали-с... — заявил он с грустной ноткой в голосе и махнул рукой. — Да и где же узнать, помилуйте!.. Хуже...

— А что?

Старик оглянулся и хриплым шепотом добавил:

— Захожу-с... Георгий Самсонович полулежит на кушетке... я их сразу узнал: один взгляд чего стоит. Конечно, года... ну, орел, одним словом. На лице этакая усталость и некоторая задумчивость... Я остановился в дверях и только хотел отрекомендоваться, а они... Нет, совестно даже выговорить! Георгий Самсонович так вскользь взглянули на меня и трехрублевый билет подают... Господи, что же это такое?.. У меня даже горло сдавило, слова не могу сказать... Так и ушел, и деньги бросил: не могу. От чужого возьму и даже сам обращаюсь, а тут свой брат... помилуйте, хлеб-соль прежде водили...

— Он просто не узнал вас.

Старик опять оглянулся кругом, точно боялся засады, и уже на ухо мне прошептал:

— Это я себя обманываю, что не узнали... Помилуйте, Георгий Самсонович — да не узнает! Этакий-то орел... Сразу узнали, а мне совестно стало... за них, что они притворились. Ей-богу... У них все, у меня ничего, и мне же совестно. И вдруг: трешницу... А я, признаться сказать, недели две проживался по здешним местам, чтобы встретить их — последняя надежда, можно

сказать... Теперь уж все кончено: если Георгий Самсонович отвернулся, то чего же ждать? *Finita la comedia*...

У старика опять выступили на глазах слезы, и он напрасно мигал красными, опухшими веками, чтобы скрыть их. Если женские слезы возбуждают сожаление, то мужские производят неприятное и жуткое чувство — нет, значит, выхода... Наступила пауза.

— Вы за что же, собственно, пострадали? — спросил я.

— А... что?.. — точно проснулся Неупокойников. — За что пострадал?.. Да очень просто, за эту горничную с духами... Действительно: я шутить не любил, допросил ее собственноручно, а она и умри... кто же бы мог подозревать, что у простой девки и вдруг порок сердца?.. Тут уж на меня, имярек, и налетели злые коршуны и давай щипать, и вот что произвели: наг, сир, гладей и хладен... Ну, отними все, возьми, но не дай вконец погибнуть... да-с. А то как уволили с волчьим паспортом¹, по третьему пункту — и пропал. Находил и место, и занятия, все ничего, а как дойдет дело до паспорта и увидит человек мой третий пункт — даже замычит. Да я сам не принял бы самого себя никуда с этой рекомендацией.

— Кажется, подобные истории в Сибири довольно обыкновенны, и пугаться третьего пункта довольно странно.

— Да ведь Неупокойников по третьему пункту уволен, а Неупокойникова вся Сибирь знает, скажу не хвастаясь... Вернее, знала. Ведь нужно сказать вам, как я жил: князь... принц... Только в сказках можно прочитать. В Заболотье-то золотопромышленники и сивуш-

¹ Имеется в виду увольнение за должностное преступление без права на пенсию и новое поступление на государственную службу.

ные короли тогда развернулись... Господи, что было, что только было!.. Какие люди, какое время... А горные инженеры? Представьте вы себе, что в ничтожнейшем и жалком городишке вдруг скопились десятки миллионов совершенно диких денег... Великие были люди: Аника Терентьевич, Тит Поликарпыч... да мало ли их, всех не перечесть. И мы с Геоогием Самсоновичем перебрались: он свою линию повел, а я свою... Даже страшно выговорить: полицеймейстер в Заболотье. Силища... Я и на службу поступил по приглашению от золотопромышленников: знали меня на каторге-то. Молод, красив, удал... Еще подходишь к дамочке, а она уж не знает, куда ей деваться: сама не своя. Тройку на всем скаку останавливал... Нарочно за мной в Чернореченский завод из Заболотья посылали, потому что был еще у меня один талант: русские песни никто лучше меня не умел петь. Развеселится компания и за мной: спой, голубчик... Слушают и плачут — вот какой голос бог дает человеку. Да где же вы найдете другого такого полицеймейстера?.. Ну, и попал сыр в масло: квартира первая в городе, в конюшне двадцать лошадей, вин целый погреб — и хлебосол и угожник. И вкус имел: ни одной хорошенькой вещички мимо не пропущу, вообще артист. И английский хрусталь, и китайская бронза, и японские лаки, и бухарский шелк, и картины — все было. Дом — полная чаша. Каждая горничная — пиши картину, а главный кучер — морское чудовище, ей-богу. Голосина у него, у подлеца: как рявкнет на улице — человек и оторопееет.

А больше-то всего любили меня, если говорить правду, за удаль... Ведь сторона дикая, народ-варнак, ходи да оглядывайся, а у меня в городе ни гу-гу. Каждую ночь переоденусь в полушубок, подвяжу бороду и везде побываю. Только скажешь, бывало: «Неупокойникова знаешь?» «Виноват, вашескородие». Был та-

кой случай. По тракту разбойничал татарин Карагуз. Мужчина пудов двенадцати весом. Один обоз останавливал... А взять его не могли... Не в моем он участке разбойничал. Ну, меня и подразнили: «Неупокойников, возьми-ка Карагуза, ежели смел». «Я? Голыми руками возьму...» Признаться сказать, захвалился я: в поле Никола бог, и татарин силищи непомерной. Хорошо-с... Сказал слово, надо его держать. Нарядился — купцом, — посадил кучером мальчишку и марш в дорогу прямо на Карагуза, где он пошаливал... Едем. Ночь волчья, снежок падает. Лес по сторонам... Только обгоняет меня кошева и поперек дороги, — известная разбойничья замашка. «Стой!..» Выскочил я и прямо к нему: он, Карагуз. Ну, я бормочу по-купчески: «Возьми все, отпусти душу на покаяние...» Понял, собака, с кем дело имеет, — как размахнется железной укрючиной, да как свистнет... А я увернулся по-казацьи, а укрючиной-то полу полушубка как ножом отрезало. Я ему, идолу, под ноги брошусь, тоже ваша казацья ухватка, он через меня, как дерево дубовое, а я на него... Выхватил укрючину-то и укомплектовал. Сам привез еле живого, а Карагуз на второй день и душу своему Аллаху отдал. Купцы тогда по подписке серебряный сервиз мне — поднесли, а Георгий Самсонович публично расцеловали. Все у меня было, и ничего больше не желал, а и тогда я преклонялся перед Георгием Самсоновичем, которого почитал за гения... И вдруг из-за этой самой горничной все прахом. Пошли суды да следствия, и я точно растаял... Даже удивительно, как всего общипали эти железные носы, всего, по перышку. Ничего не осталось, кроме третьего пункта...

Рассказчик даже глаза закрыл, видимо, прислушиваясь к звуку собственных слов.

— А давно все это было? — спросил я.

— Да уж порядочно... Теперь уж лет тридцать, как я на волчьем положении... Сегодня вот привел Господь принять последнее поношение... обидно... Что стоило Георгию-то Самсоновичу воскресить человека? Ведь всего одно слово — возродился бы из праха.

ГЛАВНЫЙ БАРИН

I

Каждый раз, подъезжая к лесной деревушке Грязнухе, засевавшей в глухом лесном углу, я испытывал особенное чувство, которое трудно назвать: это был край света, совершенно особый мир, страничка из русской истории XVII столетия. Где-то там, далеко творились чудеса цивилизации, где-то складывались громадные промышленные центры, открывались новые пути, делались великие открытия, совершались страшные кровопролития, а Грязнуха оставалась все такой же Грязнухой, чуждая и чудесам, и открытиям, и кровопролитиям. Около двух лет назад пришел какой-то поселящик Евстрат, темный человек, скрывающийся, вероятно, от какого-нибудь московского розыска, высмотрел глухое местечко на гнилой речонке Грязнухе и здесь осел. Это был корень, из которого выросла нынешняя деревня, — в ней все жители носили одну фамилию, Евстратовы, по родоначальнику. Чужой человек удивился бы, что деревня Грязнуха засела в болоте, когда всего в версте от нее великолепное светлое озеро Вежай с такими удобными берегами для селитьбы, но родоначальник Евстрат поселился именно в болоте, как скрывается по чащам и зарослям травленный волк, — ему нужно было укрыться от грозного государева ока. И Евстрат не ошибся: он не только сохранил свою личную неприкосновенность, но вывел целую семью, и теперь «Евстрато-

вых» дворов тридцать. Деревенская косность сохраняла за собой родительское место и ни за что не хотела уходить к озеру: не сами, по родителям. Самое интересное было то, что сама по себе Грязнуха решительно была никому не нужна и сама ни в ком не нуждалась. Мимо нее никто и никуда не ездил, не было здесь никакого торжка — одним словом, как есть ничего, и все эти Евстратовы жили, наверно, так же, как жил их родоначальник Евстрат. Сюда не проникли даже такие все-разрушающие элементы, как самовар-туляк и линючие московские ситцы. Все ходили в домотканой пестрядине, носили домотканую сермягу, укрывались своей домашней овчиной. Большинство баб нигде за пределами Грязнухи не бывали и боялись всего, что было за этими пределами, — это был родительский страх. Бывальцами в Грязнухе считались двое мужиков — отставной солдат Македошка, отчаянный пьянюга, и охотник Сысой, возивший набитую на озере Вежае дичь в город. Они являлись исключениями, и коренные, настоящие грязнухинцы относились к ним с большим недоверием, как к людям испорченным и зараженным.

Мне случалось раза два в лето приезжать в Грязнуху с специальной целью поохотиться на гусей, укрывавшихся по «ситникам» и «лавдам» озера Вежая. Ситник — высокая и жесткая озерная трава, похожая на камыш; ею зарастают озерные берега на большое пространство, иногда в несколько верст. Из ситника же образовались живые плавучие острова — это и есть лавды. Озеро Вежай разлеглось в своих лесистых берегах на несколько верст, и в его ситниках можно было заблудиться. Дело в том, что в береговых зарослях пробиты узкие ходы, по которым с трудом можно было пробраться только на лодке-душегубке. Эти ходы так запутаны, что неопытный человек мог по ним блуждать несколько дней, как по лабиринту, и все-таки

не выбрался бы на открытое озеро. Легенда говорила о двух таких охотниках, погибших в ситниках. Зато для дикой птицы здесь настоящее приволье, и она плодилась здесь массами. Гусь — сторожкая, умная птица и не будет вить гнезда в сомнительном месте, а здесь гуси вились из года в год, и их покой нарушал только один Сысой.

Итак, я подъезжал в осенний денек к Грязнухе с тем чувством, как будто погружался в глубины XVII столетия. Стояли светлые сентябрьские дни «бабьего лета». Узкая проселочная дорога была избита до невозможности, и мой дорожный коробок делал какие-то судорожные движения, точно его била жестокая лихорадка, — пенье, коренье, камень и непролазные великие «грязи», как писали приказные из Москвы.

— А застанем мы Сысою дома? — спросил я своего возницу, начиная испытывать беспокойство.

— Куды ему деться-то, Сысою? — уверенно ответил бывалый городской человек. — Известно, дома...

Тоже особенность Грязнухи: всегда и все были дома, следовательно, и Сысой должен быть дома.

У Грязнухи никакого вида не было, как у других деревень. Просто болото, а в болоте рассажались без всякого плана десятка три изб, да и те, по русскому обычаю, задами к реке. Изба Сысою стояла в стороне. Мы к ней и подкатили, обратив на себя внимание одной только собаки Соболя, рвавшейся на цепи. Сысой действительно оказался дома. В избе сидел еще гость, солдат Македошка. Меня удивило с первого раза то, что Македошка сидел у стола и пил водку, — время самое не указанное для такого занятия. Сам Сысой наладивал старую мережку и оставался только благородным свидетелем. У печки возилась с ухватом его жена, сердито поглядывавшая на загулявшего солдата. Когда я вошел, Македошка посмотрел на меня презрительно

прищуренными глазами и даже сплюнул на сторону, точно отгоняя какую-то неблагочестивую мысль.

— Ах, братец ты мой... — проговорил он наконец, крутя головой. — Д-даа... Как вы насчет этого самого полагаете, городской господин?.. Ах, братец ты мой...

Я ничего не мог полагать относительно «этого самого», и Македошка еще раз плюнул, причмокнул по-пьяному и провел рукой по лицу, точно не мог проснуться от какого-то сна. Меня удивило гордое настроение солдата, тем более что раньше он всегда отличался заискивающей угодливостью спившегося человека.

— Ты бы, Македошка, шел домой, — предложил Сысой. — Только духу напустил своим винищем...

Вместо ответа Македошка хрипло засмеялся, а потом торопливо хлопнул стакан водки и проговорил:

— Баушка-то, значит, Домна... х-ха!.. Маланья, ты бы проведать ее сходила.. Решилась баушка-то. Совсем как полоумная ходит. Верно...

— И то решилась... — ответила сердито Маланья, гремя ухватом. — Этакое счастье господь послал.

— Деньги куда-то спрятала, а сама все яйца считает... х-ха. А кто срукероводствовал все дело? Все я, Македошка.. На, получай, да не поминай лихом Македошку. Ах, братец ты мой...

— А Ермилку ты же научил? — спросил Сысой, оставляя работу.

— Ну, Ермилка-то другого поучит... Он, брат, сразу привесился. Шешнадцать целковых, и тому делу конец. Значит, два раза самовар наставляли, да вечером пермени сделали — только и всего. Новую лошадь, слышь, покупает на эти деньги... Вот он какой, Ермила-то!.. Ах, братец ты мой... А баушка Домна решилась ума, верно. Даве я заходил к ней, так она забилась в угол и от меня этак рукой: «Уйди, солдат! Уйди, грех!» Х-ха...

Македошка допил водку, еще раз с презрением посмотрел на меня, как-то фыркнул и, не простившись ни с кем, вышел из избы. Он был мертвецки пьян, хотя и держался еще на ногах. Видимо, он пил уже не первый день.

— Форсун... — сердито ворчала Маланья, когда дверь за солдатом затворилась. — Непутевая голова.

Сысой политично молчал. Очевидно, что случилось что-то и случилось очень важное, а Сысой был обстоятельный мужик и не любил болтать зря. Это был среднего роста плечистый мужик в полной поре... Я часто любовался этой живой мужицкой силой и какой-то особенной цельностью каждого слова и каждого движения. Охота для Сысоа служила только подспорьем, а по существу он был исправный, работающий мужик, что редко встречается между охотниками. Благообразная русая борода, карие умные глаза, степенные движения — все говорило в его пользу. И баба у него была славная. Все успевала сделать и мужа обряжала с деревенским достатком — все на Сысое было крепкое своей домашней крепостью. Я заметил, что в Грязнухе случилось что-то необычайное, что всех волновало и приводило в нервное настроение, особенно жену Сысоа. Спрашивать прямо я не хотел, потому что по-деревенски это было бы бестактностью.

— Поедем на охоту? — спросил я Сысоа.

— Поедем...

Он ответил неохотно, — видимо, ему было не до гусей. Признак был плохой.

Когда мы собирались выйти из избы, в окне показалась голова Македошки. Маланья даже вздрогнула. Солдатская рожа прильнула к оконному стеклу и хрипло хихикнула.

— Ах, братец ты мой... — бормотал он. — Сейчас был у баушки Домны... х-ха... То ли еще будет... Поймай!..